

Баяра Арутюнова-Манусевич (США)

**ПЯТНАДЦАТЬ ПИСЕМ ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА I
КНЯГИНЕ ЗИНАИДЕ ВОЛКОНСКОЙ**

Журнальный вариант

Письма, о которых пойдёт речь, находятся в отделе рукописей библиотеки Гарвардского университета Хоттон (Houghton). Они представляют часть всего архива княгини Зинаиды Волконской, приобретённого университетом в 1967 году у ныне покойного барона Базиля Леммермана, опытного архивиста и коллекционера, который выкупил его у одного из наследников княгини, маркиза Владимира Кампанари. Барон Базиль Леммерман дал мне возможность работать с его книгами и коллекцией картин, которые оказались источником очень ценной информации. Он также дал разрешение использовать живопись из его коллекции для иллюстраций к моей книге.

Неоценимую поддержку и помощь в работе оказал также и нынешний владелец части леммермановской коллекции Саво Раскович, проявивший интерес к моей будущей книге и предоставивший некоторые иллюстративные материалы. Сестра Фабиола из Римского Ордена Крови Христовой щедро снабдила меня необходимой информацией. Действенная помощь со стороны Святого Престола, в первую очередь кардинала Саморе, и компетентных работников библиотеки Ватикана также помогла появлению моей книги «Princess Zinaida Volkonskaya and her correspondence», изданной Slavica Publishers, Inc. (1994) на английском языке. И теперь, много лет спустя, надеюсь, что она выйдет на русском языке в России и обретёт не меньший круг читателей.

Письма из архива Волконской охватывают почти тридцать лет российской и европейской истории и ведут читателя сквозь волны войны и мира. Они свидетельствуют о битвах во время наполеоновских войн, о победе и последующих переворотах в мирное время в Европе и России, о возрастающем влиянии римского католицизма, который соперничал с русской православной церковью. Не будет преувеличением сказать, что страницы этих писем отразили наиболее важные события в политической, общественной и культурной сферах первой трети XIX века.

Личные взаимоотношения и повседневная жизнь широких кругов общества также нашли своё отражение в письмах к Волконской. Они содержат богатую информацию о людях, событиях и культурной среде того времени. В ряде случаев они сообщают читателю новые факты. В орбиту беспокойной жизни княгини Волконской были вовлечены выдающиеся люди того времени, принадлежавшие различным социальным, культурным и национальным кругам. Среди корреспондентов Волконской, кроме императора Александра I, были такие значительные личности, как секретарь по иностранным делам Ватикана кардинал Консальви, французская писательница мадам де Сталь, русские писатели, представители «золотого века» в эпистолярном жанре.

Письма, написанные императором Александром I Волконской, фиксируют различные стадии их отношений, загадочные во многих аспектах до сих пор. Шесть из этих писем были опубликованы сыном княгини Александром Никитичем Волконским в 1868 году. Однако его строгая цензура, охранявшая честь недавно умершей матери, привела к существенным купюрам, которые исказили действительную природу её отношения к царю¹. Оставшиеся девять писем (некоторые из них более длинные и значительные), не были опубликованы до сих пор.

Все письма написаны на французском языке. Письменный французский царя требует хотя бы короткого комментария. Ученик Фредерика Сезара Лагарпа, Александр не слишком строго следовал правилам французской грамматики, изменения в которую были внесены Академией в 1740, 1762 и 1798 годах. В письмах Александр использовал как старые, так и новые правила грамматики, что, впрочем, не препятствовало их ясному пониманию.

Коррективы в письма были внесены только в тех случаях, когда авторы использовали неясные аббревиатуры пропущенных слов. Реконструкция этих пропусков и прочтение неразборчивых слов, а также предполагаемые даты написания некоторых писем даны в квадратных скобках. Курсив в письмах царя появляется там, где он подчёркивает слово или фразу.

При прочтении писем важно понимать прежде всего, что отношения любовной дружбы (*amitié amoureuse*), характерные для того времени, выражают себя в аффективном стиле, полном намёков и преувеличений, которые необязательно указывают на действительно любовные отношения. Но письма Александра I, адресованные Волконской, свидетельствуют о более близких и сложных взаимоотношениях, выходящих далеко за пределы обычного придворного флирта.

И всё же, в отличие от других многочисленных романов Александра I, его предполагаемая интимная связь с княгиней Волконской не была предметом открытого обсуждения современниками. Время от времени делались

наблюдения, что «царь находил удовольствие в беседах с княгиней Волконской» и что он «любил отдыхать от своих военных и политических обязанностей в её обществе»². Порой встречались также отзвуки умолкнувших слухов. Однако в целом их отношения трактовались современниками с особенной осмотрительностью. Необходимо заметить, что доступная нам официальная документация за этот период скудна. Большая часть личных бумаг Александра в императорском архиве была уничтожена. Материалы из личной жизни царя, не находящиеся в частных архивах, если и не уничтожены или потеряны, то явно недостаточны и не могут быть полезными нашему исследованию³.

Интерес к отношениям Зинаиды Волконской с императором Александром I не иссякает уже второе столетие, исследователи вновь и вновь обращаются к этой теме, публикуя новые предположения⁴. Однако все эти материалы основаны на догадках и не являются надёжными историческими источниками. Поэтому мы должны заключить, что единственным таковым источником, который может прояснить эту неопределённость, являются письма царя к ней, хранящиеся в Гарвардском архиве. И всё же, информативные сами по себе, эти письма, однако, дают лишь фрагментарное представление о характере близких отношений императора и княгини.

Непросто установить, когда именно Александр начал выделять юную Зинаиду среди других красавиц своего окружения. Известно, что восемнадцатилетняя княжна Зинаида Белосельская была представлена ко двору и назначена младшей фрейлиной при вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. В декабре 1808 года, уже в качестве фрейлины королевы Луизы Прусской, она принимала участие в вихре празднеств, данных в честь прусской королевской пары. В январе 1809 года состоялись новые торжества, сопровождавшие помолвку и свадьбу великой княгини Екатерины Павловны. Княжна Зинаида имела много возможностей видеть «неотразимого» царя и ощущать атмосферу всеобщего поклонения, которая его окружала. Весьма вероятно, что именно в этот период Александр заметил прекрасную, живую и талантливую Зинаиду.

К этому времени (1811–1812) он был готов к новому роману. Его многолетняя горячая привязанность к Марии Антоновне Нарышкиной, начавшаяся в 1802 году, была близка к завершению. Он был уязвлён её плохо скрываемой неверностью, однако к нелюбимой жене, императрице Елизавете, на которой его женили в шестнадцать лет, не вернулся. Теперь он утешал себя серией коротких романов⁵.

Александр любил женщин и знал, как их пленить. Оставаясь внутренне равнодушным, он каждую заставлял поверить, что в данный момент только она важна для него⁶. Трудно оценить глубину и продолжительность этих связей; также неясно, какие из них были просто платоническими.

Но, по-видимому, некоторые из них были таковыми, поскольку многие современники отзывались о царе как о «Дон Жуане Платоническом»⁷.

22 февраля 1811 года Зинаида Белосельская вышла замуж за князя Никиту Волконского. Брак по расчёту был устроен мачехой Зинаиды. 18 ноября того же года родился их сын Александр. Царь предложил быть крёстным отцом ребёнка и 25 ноября присутствовал на церемонии крещения в часовне церкви Зимнего дворца⁸.

Этот брак не принёс счастья Зинаиде. В начале 1812 года, вскоре после рождения сына, она заболела тяжёлой формой депрессии, которую её современники называли «временным помешательством». Поправлялась княгиня медленно. Только к сентябрю 1812 года она начала приходить в себя⁹.

В это время война с Наполеоном была в фокусе всеобщего внимания. 26 августа/7 сентября 1812 года состоялось кровопролитное Бородинское сражение, в котором не было победителей и которое 2/14 сентября привело к оккупации Наполеоном Москвы без боя. Однако спустя месяц, 7/19 октября, наполеоновская армия начала отступление, которое закончилось её полным разгромом в декабре 1812 года. Вся страна была охвачена всеобщим порывом патриотизма. Для княгини Зинаиды это было наилучшей терапией, она открыла для себя новое мироощущение и возможность принимать жизнь иначе.

С начала 1813 года Александр также сильно изменился. Он оставил прежнюю неуверенность и не колебался больше в своих решениях. Желая добиться полного разгрома французской армии, он отказывался от любых уступок Наполеону: «Он или я, я или он, вместе мы править не можем. Я изучил его, и уже больше он меня не обманет»¹⁰. Это были звёздные часы царя. Он подтвердил, что Наполеон не был неправ, оценивая его как более умного человека, чем это было принято считать, и более талантливого, чем все его министры¹¹.

Первому из писем царя Александра княгине Зинаиде Волконской, хранящихся в её архиве, предшествовал их личный контакт. Внимательное чтение этих первых писем делает очевидным, что Александр в этот период увлечён княгиней.

В январе 1813 года военная ситуация стабилизировалась, и царь внезапно решил пригласить жён трёх своих генералов присоединиться к его военной свите. Александр не хотел присутствия императрицы Елизаветы, но радовался своему «малому женскому двору». Первыми прибыли княгиня Зинаида с маленьким сыном и её золовка княгиня Софья Григорьевна Волконская. За ними последовала третья дама, имя которой остаётся неизвестным¹². В письме фельдмаршала М. И. Кутузова есть свидетельство того, что 28 февраля 1813 года княгиня Зинаида уже была в Калише: «Зинаида Волконская, чья внешность мне очень нравится, здесь»¹³. Через четыре

недели немецкий генерал Г. В. Бойер, описывая обед у Кутузова, заметил, что княгиня Волконская сидела рядом с хозяином¹⁴.

В неформальной атмосфере военной свиты сближение царя и княгини Зинаиды, видимо, развивалось быстро. Его частые визиты были замечены и зафиксированы¹⁵. Первое письмо царя к Волконской свидетельствует, что его чувства к ней были более серьёзными, чем к другим дамам, за которыми он ухаживал.

Письмо I.

Адрес на конверте написан рукой Александра: «Княгине Зинаиде Волконской» и ниже — характерный длинный росчерк Александра. На обороте конверта надпись: 14 Мая 1813.

Опубликовано с некоторыми неточностями А. Н. Волконским.

Яуэр. 14 Мая.

Итак, доброе намерение должно когда-нибудь заслужить награду; конечно, я получил её, в условиях отдалённости от вас, княгиня, благодаря вашему очаровательному письму, которое доставило мне самое большое удовольствие. Я не могу выразить, насколько я тронут всем, что вы соблаговолили мне сказать. Поверьте, я в состоянии оценить это. Тот, кто принесёт вам это письмо, даст отчёт о том, как действуют наши войска, и хотя в целом успехи не таковы, как мы бы этого желали, прошедшие события были тем не менее славными для нашей храброй армии. Только настойчивостью можно преодолеть трудности. Будем надеяться, что Божественное Провидение благословит наши усилия. Сейчас мы находимся в наилучшей возможной позиции. Пожелание успеха нашим армиям совпадает с моим личным искренним желанием, чтобы этот успех позволил мне увидеться с вами как можно раньше.

Благоволите в ожидании сохранить для меня в вашей памяти место, которым я так дорожу, и напомните, прошу вас, об этом же княгине Софье. Примите также выражение преданности, столько же уважительной, сколь и искренней.

[характерный росчерк Александра I]

Письмо является, по-видимому, ответом на предшествующее письмо от княгини. Известно, что 12 мая она посетила Гёте в его резиденции¹⁶, а 20 мая уехала в Тёплиц на придворный приём. Вероятно, к этому времени княгиня уже приняла дружеский и даже сердечный тон по отношению к царю, поскольку он выражает удовольствие от её «очаровательного» письма, которое «тронуло его так сильно».

Ссылка на Божественное Провидение в этом письме не случайна: царь считал, что именно оно направляет его. Это высказывание повторяется почти во всех письмах княгине. Религия становилась всё более значимой для Александра, и даже в самые трудные дни он находил время читать

Священное Писание. Через два дня после написания письма он сообщил своему другу князю А. Н. Голицыну, что это чтение стало для него исключительно важным¹⁷.

В целом все письма сами по себе дают много ключей к разгадке действительной природы необычных отношений княгини и императора. Но вначале, однако, необходимо отсеять многочисленные галантности, на которые Александр был большой мастер. Когда он говорит об «ангельской доброте» Зинаиды или о том, что он готов броситься к её ногам, или же уверяет её в своей «преданности на всю жизнь», он, возможно, отдаёт дань стилю эпохи. Но помимо этих пышных фраз можно услышать и реальный голос Александра.

Письма делают очевидным тот факт, что царь и княгиня встречались часто. О некоторых своих визитах он сообщал в письмах и записках, написанных за несколько часов до его прибытия (пп. III, VII, IX, XIII, XIV, XV). Хотя Волконская в это время часто жила со своей золовкой, можно предположить, что она встречала царя одна. Мы находим упоминания об этих встречах, которые Александр ожидал с большим нетерпением (пп. I, V, XII). Много раз он благодарил Зинаиду за её мягкость и заботливость, уверяя её, что «эти моменты никогда не изгладятся из его памяти» (п. V).

Первое письмо от 14 мая 1813 года (п. I) инициировало диалог о вознаграждении («une recompense»), которое Александр ожидал получить от Волконской. Этот намёк продолжал обсуждаться в некоторых из последующих писем; об ответе княгини мы узнаём из писем № II и VI. В неопубликованном шестистраничном послании, написанном Зинаиде из Петерсвалдау 28 мая 1814 года (п. II), царь пространно пишет о чувствах, переполнявших его с первого же момента, когда он увидел её, и даже усилившихся после того, как она позволила ему узнать её ближе. Дата и степень этого приближения, однако, остаются неясными. Интимность этих отношений только просвечивает между строк благодаря тонким намёкам.

Письмо II.

Конверт с печатью Александра I. Адрес написан его рукой: «Княгине Зинаиде Волконской, урождённой Белосельской».

Не опубликовано.

Петерсвалдау 28 Мая [1813]

Вы показались очень удивлённой, княгиня, тем, что я употребил слово *вознаграждение*, говоря о вашем последнем письме. Но как бы я мог иначе выразить ощущение, которое ваши письма произвели на меня, и в особенности последнее? В сравнении с ощущением награды моё объяснение покажется довольно слабым.

В самом деле, как бы я мог читать слова, одновременно самые приятные, самые возвышенные и в то же время самые лестные для меня? Вы не могли не убедиться, насколько, с тех пор как я вас узнал, я ценю всё то, что исходит от вас. И это ощущение только усиливалось по мере того, как вы разрешали мне приблизиться к вам. Я претендовал только на малую толику вашей благосклонности, и в этом отношении ваше очаровательное письмо превзошло мои ожидания. Не говорил ли я вам не раз, что боюсь, как бы вы не вспугнули чувство, на которое я вас обрекаю, и что чистота этого чувства успокаивает меня в глубине сердца, я стремлюсь к тому, чтобы жить вами одной и видеть доказательства, что вы не отрекаетесь от этого. И снова ваше письмо, успокаивая моё беспокойство, послужило причиной самого тонкого наслаждения. Приветливость, с которой вы обращаетесь со мной, оправдывает единственное желание, которое, я полагаю, вправе выразить. Вы говорите, что моё письмо обращается к вашему сердцу и что оно достигло адресата... Позвольте мне и это письмо направить по тому же адресу. Он мне так дорог. Это моё сердце диктует письмо и сознаётся в самом живом интересе и самом искреннем чувстве к вам, надеясь, что ни в чём не может себя упрекнуть: более того, оно гордо признаёт эти чувства перед всем миром, даже перед вашим мужем. Именно он передаст вам мои строчки, и я несколько не сомневаюсь, что они пройдут его цензуру, если понадобится.

А теперь простите мне это излияние, которое возникло под пером ненамеренно. Мне было необходимо объяснить вам, что́ я чувствую. Я не считаю этот порыв недостойным вас.

Как мило, что я нахожу в вас столь горячий интерес к нашему оружию. Вы уже знаете, что *обещание в семь тысяч байонетов* приближается к исполнению; но это происходит с ужасающей медлительностью. Это заставило нас ждать ещё несколько недель и привело к остановке движения армий. Мы пользуемся этой передышкой, готовясь встретить новые битвы достаточно отдохнувшими.

Ваши просьбы были в точности исполнены, и *курьер в лихорадке* проглотил всё, что ему было прописано; в этом состоянии он присоединится к вам, лихорадка не оставит его ещё много дней. Что касается *влюблённого*, то из-за непростительной небрежности гр. Толстого этот последний остался без ответа, который я собирался написать, что я охотно принял его на службу, где он может стать *придворным дипломатом* со всеми полагающимися привилегиями. Если вы будете оценивать это предложение, вы можете повторить ему (мужу. — *Примеч. переводчика*) то же самое. Я также позабочусь о деле молодого Жерамба, как только получу ноту, которую ваш муж ещё мне не доставил.

Благоволите передать моё почтение княгине Софье и поблагодарите её за приятный сувенир.

Следовало бы, наконец, по крайней мере формально принести извинения за длину этой эпистолы, но я предпочитаю отдать себя на милость вашей ангельской доброте и милосердию и заверить вас, что момента, когда я вас увижу, я ожидаю с живым нетерпением, к сожалению не имея возможности сказать точно, когда я смогу иметь на это надежду.

Благоволите в ожидании не стереть меня полностью из вашей памяти и верьте мне, что я навсегда ваш сердцем и душой.

[характерный росчерк Александра I]

Идея «вознаграждения» («récompense»), появившаяся в начале первого письма Александра (от 14 мая 1813 года), повторяется трижды в течение их переписки, что указывает на то особое значение, которое он этому придавал. Из текста второго письма царя можно предположить, как на это отреагировала княгиня. По-видимому, она почувствовала некоторую неловкость и проявила сдержанность, когда впервые встретилась с этим намёком, но в то же время она призналась, что его письмо «достигло (её) сердца». И здесь мы видим одно из наиболее открытых выражений чувств Александра к Волконской — он безоговорочно утверждает важность их отношений для него. Эта открытость в выражении эмоций и довольно пренебрежительное упоминание о муже Зинаиды могут объяснить, почему её сын Александр оставил это письмо неопубликованным.

После неудачного сражения под Баутценом (8–9/20–21 мая) коалиционные армии стали отступать на восток и перестраиваться. 13/25 мая переговоры о перемирии продолжились по инициативе французской стороны, и 23 мая/4 июня 1813 года был подписан договор о перемирии до 20 июля (н. с.). Позднее Наполеон сам назвал это перемирие одной из величайших ошибок его жизни: в результате армии шестой коалиции значительно усилились, и перевес в силах перешёл на сторону противников Наполеона¹⁸.

В течение нескольких недель царь находился в замке Петерсвалдау, недалеко от Рейхенбаха. Этот замок принадлежал брату известного поэта, графа Фредерика Л. Штольберга. Находясь именно там, Александр убедил Австрию объявить войну Наполеону и заключил с Англией важное соглашение о субсидиях России и Пруссии на продолжение войны. Эти важные события стали критическими в дальнейшем ходе кампании против Наполеона и объясняют удовлетворение ими Александра в период отдыха в Петерсвалдау, где письмо и написано¹⁹.

Упомянутый *Eduard de Géraube* (1795–1847), о котором просит княгиня Зинаида, был старшим сыном Фердинанда де Жерамб (1772–1848), влиятельного деятеля своего времени: австрийский генерал, он записался в испанскую армию, чтобы воевать против Наполеона. После заключения Тильзитского мирного договора Фердинанд был послан в Англию для организации иностранного легиона. В феврале 1813 года его арестовали люди Наполеона и вернули во Францию. В 1817 году он стал монахом-траппистом. Волконская, по-видимому, напоминала царю о находящемся в заключении генерале Жерамб и просила помочь его сыну. Её ходатайство имело успех, и «молодой Жерамб» был принят в русскую армию, где прослужил тридцать четыре года. Был убит на Кавказе в 1847 году.

В тот же день, когда Александр написал это длинное послание Волконской, он написал также короткую записку великой княгине Екатерине Павловне. Это было одно из самых сдержанных и безликих писем ей —

он оставил здесь свой обычный интимный тон и обращался «к моим дорогим друзьям», включая сюда и младшую сестру, Марию Павловну²⁰. Похоже, что увлечение Александра княгиней Волконской затмило все другие отношения. В своём письме он обещает встретить сестёр в Нейштадте. Мы знаем, что 4/16 июня 1813 года царь покинул Петерсвалдау. Возможно, он остановился в Тёплице, где в то время жила Волконская¹⁶.

Время от времени Александр упоминает мужа Зинаиды, князя Никиту Волконского, который в то время был его адъютантом. Хотя царь заявлял о дружеском отношении к нему, очевидно, что он не любил князя. Часто в письмах Зинаиде Александр иронически называл его «ваш мужчина» (пп. II, VI). Нередко царь использовал его в качестве посыльного, и князь Никита был вынужден передавать любовные послания царя собственной жене. Император не стеснялся насмешливо называть его «обычным курьером» («courrier ordinaire»), «курьером в лихорадке»²¹. Иногда проявляется и ревность: в письме № V Александр объясняет своё отсутствие нежеланием видеть князя во время короткого визита Волконского к Зинаиде. В другом месте он саркастически замечает, что князь Никита «держится за её юбки» (п. VII). Царь сознаёт, что не может полностью игнорировать мужа Зинаиды. В то же время он заявляет, что, не колеблясь, признался бы в своих чувствах к Зинаиде «перед всем миром, включая вашего мужа» (п. II).

Письмо III.

Адрес на конверте написан рукой Александра I: «Княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне конверта добавлено княгиней Зинаидой: «1813».

Опубликовано.

[ни места, ни даты]

[не раньше 4/16 июня и не позже начала августа 1813]

Я в нетерпении, княгиня, броситься к вашим ногам; уже вчера я стремился к этому, но небо, или, скорее, князь Шварценберг и генерал Радецкий пожелали другого, оставаясь со мной до 11 часов. Могли ли я появиться у вас между 7 и 8 часами? В ожидании примите уверения в моём совершенном почтении.

А.

Хотя это короткое письмо было помещено А. Н. Волконским как первое из шести писем, которые он опубликовал в 1868 году, мы полагаем, что оно было написано после письма от 28 мая/9 июня 1813 года (п. II) и до написания письма от 21 августа 1813 (п. IV). Наше предположение опирается на несколько фактов. После перемирия 23 мая/4 июня 1813 года царь начал тесно сотрудничать с австрийскими фельдмаршалами Шварценбергом и Радецким. Можно попытаться сузить границы датирования данного

письма. 4/16 июня, после того как он покинул Петерсвалдау, Александр написал нежное письмо великой княгине Екатерине Павловне, в котором просил встретиться с ним в Нейштадте, маленьком городке поблизости от Тёплица²². Вероятно, эта записка Волконской была написана в течение следующих восьми недель, которые царь провёл в Тёплице и его окрестностях. Волконская тоже была здесь в это время до того, как отбыть в Прагу. Следующее письмо Волконской, уже в Прагу, царь написал, вспоминая счастливые часы, проведённые с ней, возможно, имея в виду встречу, о которой договаривался в рассматриваемой записке.

Один из упоминаемых виновников перенесения времени свидания с Волконской, — князь Карл Р. фон Шварценберг (1771–1820), фельдмаршал, командующий австрийской армией после вступления Австрии в войну против Наполеона. Сыграл важную роль в победах под Дрезденом и Лейпцигом. Известно, однако, что вначале он был против плана Александра I атаковать французов под Лейпцигом объединёнными силами альянса, плана, оказавшегося столь успешным. Второй — граф Йозеф Венцель Радецкий (1766–1858), австрийский генерал, позже фельдмаршал. Принимал активное участие в военных действиях после объявления Австрией войны Наполеону. Русский император часто обсуждал стратегические вопросы с этими военными деятелями.

Княгиня увлекалась Александром всё более по мере развития переписки. Из писем царя видно, что иногда она жаловалась на недостаток внимания. На раннем этапе их романа Александр пылко отвергал эти обвинения (п. VI).

Обстоятельства, при которых царь находил время писать эти письма (при этом всегда собственноручно и часто большого объёма), возможно, ещё более важны, чем собственно их текст. Период с мая по октябрь 1813 года был решающим как на полях сражений, так и на дипломатическом поприще. Царь присутствовал на линии боевых действий и лично участвовал в разработке военной и дипломатической стратегии. В эти горячие дни царь не находил времени читать депеши даже от своего канцлера Н. П. Румянцева и неделями мог не отвечать на его самые срочные запросы. 12 июня 1813 года он, наконец, ответил Румянцеву из Петерсвалдау: «Я могу сказать, что поистине не имел в своём распоряжении не только дня, но даже и ночи. Добавьте к этому, что только однажды я провёл два дня подряд на одном месте, и теперь мы постоянно в движении»²³. Даже великая княгиня Екатерина Павловна вынуждена была принять тот факт, что у Александра не было времени на переписку. 17 мая 1813 года она благодарила его за то, что он не забыл о её дне рождения в то время, «когда судьба всего мира» находится в его руках²⁴. Обременённый заботами и изнурённый походом, царь тем не менее умудрялся писать длинные письма княгине Волконской и навещать её при первой возможности. В письмах он даёт

детальное описание сражений, сопровождая его точными цифрами приобретений и потерь участвующих армий. В некоторых случаях он рыцарски посвящает победы княгине и радуется тому, что они дают возможность после этого увидеть её (пп. I, II, IV).

Письмо IV.

Конверт с царской печатью, его рукой: «Княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне конверта — пометка, сделанная княгиней: «Тёплиц 21 Августа 1813».

Опубликовано.

Тёплиц 21 Августа [1813]

Я не мог дожидаться, княгиня, отъезда *обычного курьера*, чтобы выразить вам всю мою благодарность за ваше очаровательное письмо и за всё приятное, что вы пожелали мне сказать. Я желаю только одного: быть похожим на тот образ, который вы описали и которому пожелали дать моё имя, образ, от которого, однако, я всё ещё далёк. Это вам одной принадлежит редкий талант делать приятными всех, кого вы встречаете, наделяя их вашей собственной приветливостью и терпимостью. Поэтому провести часы подле вас составляет истинное удовольствие.

Ваши чаяния осуществились: походы 17 и 18 покрыли нашу армию, и особенно гвардию, бессмертной славой. Весь корпус Вандама погиб, генералы, главный штаб, 12 тысяч пленных, 81 пушка и все обозы были захвачены. В то же время армия Силезии показала чудеса храбрости и захватила в боях с врагом 103 единицы артиллерии и 18 тысяч пленных. Кронпринц Швеции, со своей стороны, захватил 42 пушки и от 6 до 7 тысяч пленных. Как видите, Слава Всевышнему, дела идут не так плохо. Умоляю вас сохранить интерес к другим нашим походам, и будьте заранее уверены в той признательности, которую мы вам принесём. При первом удобном случае я пошлю *обычного курьера* в Вену, и он, следовательно, проедет через Прагу на прямом и обратном пути. Благоволите, прошу вас, принять мою благодарность за чай. Так как он исходит от вас, я не могу решиться послать его в подарок и предпочитаю сохранить его для себя.

Верьте, княгиня, в мою искреннюю преданность, которую я вам обещал на всю жизнь. Моё почтение княгине Софье.

[характерный росчерк Александра I]

Александр пишет, что он послал это письмо в Прагу, где Волконская была в это время, не с помощью *обычного курьера* (*courrier ordinaire*), но воспользовался официальным курьером. Как отмечено, вопрос доставки писем царя княгине с помощью её мужа (*обычного курьера*) возникает в нескольких письмах Александра (пп. II, VI). Насмешливое обозначение князя Никиты «обычным курьером» подтверждается примечанием А. Н. Волконского при публикации шести писем царя его матери²⁵.

Перечень потерь, перечисленных в этом письме Волконской, соответствует официальным статистическим данным, приводимым и позже. Поведение царя на поле битвы отмечено во многих источниках: Александр провёл сорок восемь часов в самых горячих местах, без всякого отдыха, под проливным дождём²⁶. Победа под Кульмом была поворотным пунктом в войне шестой коалиции против Наполеона. Оптимизм, выраженный в письме Волконской, спустя три дня после этой победы, был абсолютно оправдан. Важно заметить, что Александр представляет эту победу как дань патриотизму княгини: «все ваши желания были исполнены». Сентиментальная нота звучит даже в благодарности Александра за чай, который княгиня послала ему, предполагая, по-видимому, что он перешлёт его своей семье в России (в то время чай был предметом роскоши).

Письмо V.

На конверте рукой царя: «Княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне конверта рукой княгини добавлено: «1813».

Не опубликовано.

[ни даты, ни места написания]

[между концом сентября и 4 октября 1813 года]

Записка, которую я только что получил от вас, княгиня, меня живо тронула: только скромность помешала мне явиться к вам вчера вечером, чтобы откланяться, так как я не хотел препятствовать вашей встрече с мужем. Но я спешу воспользоваться этим случаем, чтобы выразить вам, насколько я благодарен вам за понимание, с которым я был принят вами.

Эти моменты никогда не изгладятся из моей памяти. Только бы ваши чаяния, княгиня, исполнились: добиться стабильного мира во всём мире — моё единственное устремление. Все ваши приказания будут исполнены в точности. Что касается вашего мужа, то дружба, которую я ему дарю, соединяется теперь и с заботой, с которой я берусь исполнить все ваши желания.

Будьте любезны передать мои лучшие чувства княгине Софье. С каким нетерпением я буду ожидать момента, который принесёт мне новое счастье видеть вас и выразить словами то, что моё перо передаёт так несовершенно. Сохраните немного интереса ко мне и верьте в почтительную преданность, которую я приношу вам навсегда.

[характерный росчерк Александра I]

Это недатированное письмо написано, вероятно, между концом сентября и 4 октября 1813 года. Александр упоминал о нём в длинной эпистоле из Лейпцига 10 октября 1813 года (п. VI). В нём царь пишет, что предыдущее письмо не было отправлено, так как он потерял курьера (снова «вашего человека», имея в виду мужа Зинаиды, который уехал в Прагу раньше,

чем ожидалось). Вначале он не хотел присоединять это письмо к письму из Лейпцига, поскольку его интонация была слишком унылой (п. VI). Тем не менее он это сделал, поскольку оно содержало ответ на просьбу княгини (п. V). Это позволяет нам установить дату письма № V как конец сентября или начало октября, разумеется не позже, чем 4 октября, то есть начало сражения под Лейпцигом. Вероятнее всего, что оно было написано ещё раньше, в Тёплице, и предполагалось ему быть отправленным княгине Волконской в Прагу²⁷.

По-видимому, роман между царём и княгиней Зинаидой был ещё в зените, и их новая встреча, после недель разлуки, принесла Александру полное удовлетворение: «Эти моменты никогда не сотрутся из моей памяти».

Никита Волконский упомянут дважды в этом письме: первый раз как препятствие видеть княгиню так часто, как хотелось бы царю, а второй раз в ответе Александра на просьбу княгини, по-видимому касающуюся продвижения по службе её мужа. Князь Никита Волконский был произведён в генерал-майоры с зачислением в Свиту императора 15 сентября 1813 года. По окончании войны он выполнял некоторые дипломатические задания, не очень значительные и не слишком льстившие его самолюбию.

Письмо VI.

Адрес: «Мадам княгине Зинаиде, урождённой Белосельской, в Рим». На обратной стороне — пометка рукой княгини: «Лейпциг 10 Октября 1813».

Опубликовано с существенными купюрами.

Лейпциг 10 Октября 1813.

Только в середине наших стратегических передвижений я получил, княгиня, ваше восхитительное письмо без даты, которое ваш мужчина привёз мне из Праги, но которое, будучи переданным мужу вашей золовки, задержалось, по крайней мере на два дня, в карманах его разнообразного гардероба, прежде чем я смог его получить, причём он отговаривался всякий раз, что заснул его в третьем платье, хотя до сих пор у него было только два.

Прежде чем двигаться дальше, позвольте мне преподнести вам краткий рассказ о знаменательных результатах, которые Божественное Провидение позволило нам получить в памятных сражениях 4, 5, 6 и 7, когда Наполеон, собравший все свои силы, был полностью разбит под Лейпцигом. 300 пушек, 23 генерала и 37 тысяч пленных — вот трофеи бессмертных подвигов наших храбрых армий. Не иначе как Высшая Сила вела нас, и именно ей мы обязаны этим блестящим успехом. Не сомневаюсь, княгиня, что вы это оцените, и спешу послать к вам обычного курьера, чтобы вы убедились в его добром здравии и чтобы он получил своё *вознаграждение*, поскольку я остался им очень доволен.

Вернёмся к вашему дорогому письму — оно было бы совершенно очаровательным, как я уже сказал, если бы не заканчивалось богохульством: «Вы меня

забыли», говорите вы! Как только подобная идея могла появиться в ваших мыслях, и, не правда ли, с вашей стороны несправедливо полагать, что я имел хоть какое-то право находиться в укрытии? Но, впрочем, я признаю, что имею некоторую вину перед вами, и вот в чём. Когда в прошлый раз я собирался послать письмо через вашего мужчину, оказалось, что он уже уехал в Прагу, так что письмо осталось у меня. Найдя его содержание слишком унылым, я не торопился послать его вам, поскольку оно не содержало ответа на все ваши запросы; я отвечаю на них здесь.

Примите мою благодарность за всё, что получило оценку в виде Ордена Подвязки и что вы так любезно цените во мне. Не думая, что вполне его достоин, я полностью разделяю ваши взгляды на рыцарство, и всегда предпочитал эти принципы; чувствовать с таким пылом всё, что исходит от прекрасной и любимой женщины, — и есть основание для получения этого ордена, и я осмеливаюсь претендовать только на это. Больше чем когда-либо благоволите верить, что я на всю жизнь ваш сердцем и душой, и я сказал бы также: *Позор тому, кто дурно об этом подумает, Honi soit qui mal y pense*. Тысяча приветов княгине Софье.

[характерный росчерк Александра I]

Как и другие сообщения Александра этого периода, письмо демонстрирует его глубокую веру в «Божественное Провидение». Уже в 1812 году Александр говорил о себе как о «счастливой случайности» и инструменте в руках Высшей Силы. Теперь, обсуждая такое важное событие, как переход на его сторону наполеоновского генерала Моро, он сказал, что «только Бог мог привести нас к счастливому исходу, а не тысячи всех Моро в мире»²⁸.

Здесь появляется другая вариация на тему «вознаграждения» (п. II), на этот раз в применении к мужу княгини, «обычному курьеру», князю Никите Волконскому. Настойчивость, с которой царь упоминает мужа Зинаиды, может служить признаком ревности Александра. Понятно, что эта часть также была изъята из публикации А. Н. Волконского, как и некоторые другие.

27 июля 1813 года Александр I был удостоен высшего рыцарского ордена Великобритании — Ордена Подвязки. Александр стал первым русским кавалером этого старинного ордена с его девизом: *Honi soit qui mal y pense* («Стыд подумавшему об этом плохо»). В своём письме он цитирует девиз с некоторой неточностью. Традиционная церемония состоялась в середине сентября в Тёплице, где посланец английского монарха, сэр Томас Тирвитт, смог, наконец, «поймать» русского императора. Это объясняет, почему Александр упоминает об этом Ордене, его принципах и его девизе, который стал поговоркой и который был вполне применим к сложившейся ситуации²⁹.

* * *

Первый, романтический период отношений между Зинаидой Волконской и царём Александром внезапно получил завершение с его письмом, написанным из Шафхаузена в декабре 1813 года (п. VII). Это был очевидный конец: между письмом 1813 года и следующим, уже из Петербурга, 12/24 мая 1816 года, пройдёт два с половиной года.

Письмо VII.

Адрес на конверте рукой Александра: «Княгине Зинаиде Волконской». На обороте конверта пометка рукой княгини: «Schafhouse 1813».

Не опубликовано.

[без даты]

[30 декабря 1813/11 января 1814]

Шафхауз

С некоторого времени, княгиня, рок преследует меня в те моменты, когда я получаю ваши письма. И в этот раз, надо же было случиться, чтобы последнее письмо застало меня накануне отъезда, когда я, по обыкновению, был перегружен обязанностями и поистине не мог располагать ни минутой.

Хотя я надеюсь лично засвидетельствовать вам своё почтение сегодня, я не хочу тем не менее лишать себя удовольствия выразить вам в этих строчках благодарность за ваше письмо и поздравления, которые оно содержит. Примите же, прошу вас, все самые искренние пожелания постоянного счастья, и я мог бы добавить, *что я не перестаю желать вам*, не ожидая нового года, всяческого благополучия.

Я счастлив, что задержался здесь, чтобы у Рейнского водопада не получить неприятных известий от княгинь Волконских, которые угрожали броситься в него, если бы их мужья не появились. Один из них уже с вами, чтобы держаться за вашу юбку, а другой, сомневаясь, по-видимому, в том, что решение из Сиены уже доставлено, задержится, может быть, на один день, прежде чем прибыть.

Благоволите принять мою благодарность за прекрасный эстамп, который вы мне послали, я сохраню его как память о вашей доброте ко мне. Я восхищён красотой гравюры меньше, чем красотой рисунка, и нахожу, что ваше размышление о дьяволе вполне справедливо. Но, сознаюсь, я был шокирован *безразличием* прародителя Адама в тот момент, когда ему показывали картину. Если в реальности события происходили столь спокойно, согласитесь, что папаша Адам ещё более виноват в нарушении запрета, которому он обещал подчиниться.

Вы просите прощения у Бога за своё размышление о дьяволе, княгиня, а я у вас — за мои рассуждения. Вы очаровательно цитируете басню Лафонтена, но в то же время вы заронили во мне страх, что — по количеству — мои обещания не могут сравниться с баснями. Я делаю всё возможное, чтобы убедить

вас, что мои обещания вполне реальны, и собираюсь начать с выговора Голицыну и Гурьеву, которым было поручено проследить за отправкой указа относительно Спады. Всё пишется в Петербурге и переправляется ко мне для подписи, так как здесь нет ни времени, ни служащих, чтобы писать указы.

Что касается мадам Оффрессн, то я хочу снова написать Герцогу по этому поводу; надо же, чтобы первые приказы были потеряны на дороге, залитой князем Куракиным очищающим уксусом для защиты от чумы. Граф Толстой получил и отправил приказы на Киммеля и Каменского; как только я получу разъяснение, которое я запросил, об их прошлой службе, и если они достойны, я не задержусь ни на минуту, чтобы их назначить.

Позвольте ли вы мне посетить вас в 6 часов вечера? Ожидая с нетерпением этого момента и свидетельствую вам своё почтение.

[характерный росчерк Александра I]

Шафхауз

В воскресенье утром.

Письмо было написано в воскресенье 30 декабря 1813/11 января 1814 года, в Шафхаузене, куда царь прибыл из Фрейбурга 26 декабря 1813/7 января 1814 года. Начальные фразы его звучат в совершенно новом тоне, не характерном для предыдущей переписки Александра и княгини Волконской: он вежливо пытается оправдать себя за то, что не ответил на её письмо, ссылаясь на многочисленные обязательства, которые отняли всё его время. Это новое поведение царя являет собой очевидный контраст с его поведением в труднейшие походные дни, когда царь находил время, несмотря ни на что, писать длинные письма княгине из Дрездена и Лейпцига (пп. II, III, IV, VI).

Последнее из писем княгини содержало, по-видимому, её поздравления с приближающимся новым годом. Отвечая на них, Александр уверяет её в искренней и уважительной (!) привязанности и добавляет, что желает и не прекращает желать ей продолжительного счастья. Несмотря на лестную тональность и некоторое преувеличение, этот пассаж открывает изменение его отношения к княгине. Очевидно, что это письмо занимает промежуточное место в их переписке: оно завершает её первую часть и может рассматриваться как печальная кода романтической фазы их отношений, но требует дальнейшего уточнения.

Письмо выглядит безличным и пустым по сравнению с предыдущими, и, хотя и содержит ряд шуточных замечаний, они только прикрывают неловкость царя от невысказанного решения закончить отношения с Волконской. Александр очевидно был раздражён сопротивлением со стороны фельдмаршала Шварценберга и австрийского императора его плану скорейшего вторжения во Францию, что не дало бы отдохнуть измученным

войскам Наполеона. Это нашло отражение в злой иронии, которая направлена теперь не только на мужа Зинаиды, как обычно, но и на генерала П. М. Волконского. Войска главной армии Шварценберга форсировали Рейн в нескольких пунктах (в районе Базеля, Кренцха, Лауфенбурга и Шафхаузена) с 20 декабря по 3 января 1814 года, после чего медленно продвигались к позиции, которую заняли на 20 дней позже, чем предполагалось. Переход верхнего Рейна и вступление австрийских войск на территорию нейтральной Швейцарии возмутили царя, так как означали также нарушение соглашения, подписанного во Франкфурте³⁰.

Посланная же Волконской в подарок Александру по случаю нового года гравюра, исполненная художником из Лейпцига М. Шрейером, изображала изгнание Адама из рая и вызвала длинный и довольно банальный комментарий царя. Отец Зинаиды, А. М. Белосельский-Белозерский, был знатоком искусства и коллекционером, любовь к собиранию предметов искусства унаследовала и дочь. Она собрала обширную коллекцию ценных гравюр и время от времени щедро дарила их своим друзьям (среди прочих — мадам де Сталь). Басня Лафонтена, цитируемая княгиней, послужила намёком, который царь понял правильно: дело касалось отлагательства в выполнении её просьб. Этой басней могла быть «Ворона и лисица».

Одна из просьб княгини касалась Антуана Спады (1779–1843), французского эмигранта португальского происхождения, бывшего капуцинского монаха, который покинул орден после Французской революции. Несколько лет Спада служил у отца Зинаиды, князя Белосельского, в качестве учителя, секретаря и библиотекаря. В 1812 году, уже будучи российским подданным, он был назначен почётным библиотекарем в Петербургскую Публичную библиотеку. В 1819 году Спада переехал в Одессу, где вначале преподавал французский в Лицее, затем работал в местной библиотеке и, наконец, стал директором Одесского музея древностей. Среди литературных произведений Спады, в основном малозначительных, было историческое исследование в четырёх томах, посвящённое Александру I. В России Спаду не любили, но княгиня Зинаида, знавшая его с детства, была к нему привязана³¹. Она просила царя предоставить Спаде место цензора, которое он и получил в 1814 году. Тем не менее ответ Александра на эту просьбу демонстрирует раздражение — новую нотку в их отношениях.

В этом же письме княгиня Зинаида поддерживает просьбу вдовы господина Офресна продвинуть по службе её сына, который уже занимал государственную должность. Мадам Офресн — вдова знаменитого швейцарско-французского актёра, чьё сценическое имя было Жан Риваль (1720–1806). Хотя его приветствовали Вольтер («Он придаёт моим пьесам больше смысла, чем я когда-либо вкладывал в них») и Гёте («Он объявляет войну всему неестественному»), Офресн не был по достоинству оценён в Комеди Франсэз, и в 1785 году принял приглашение Екатерины II работать

в России. В юности княгиня Зинаида могла видеть его на сцене и даже брать уроки актёрского мастерства у него или его дочери.

Князь Александр Куракин (1752–1818) — вице-канцлер империи. Перед вступлением в эту должность он выполнял важные дипломатические задания в контактах с Наполеоном. Хотя царь доверял Куракину ответственные поручения, он часто демонстрировал иронический тон по отношению к князю. Здесь царь высмеивает предосторожности, которые Куракин предпринимал, защищаясь от чумы («очищающий уксус»). Граф Николай Александрович Толстой (1761–1816) — генерал, обер-гофмейстер. Начиная с 1802 года, он сопровождал молодого царя в Мемель; в дальнейшем был его спутником во всех путешествиях. Во время кампании 1812 и 1813 годов он также был рядом с Александром. В конце 1813 года Толстой из-за болезни был вынужден вернуться в Петербург, откуда он продолжал исполнять свои официальные обязанности.

* * *

Покинув Шафхаузен утром 30 декабря 1813/11 января 1814 года, Александр, по-видимому, навестил Волконскую в тот же вечер, как и планировал. Он оставался в Базеле в течение четырёх дней, до 4/16 января 1814, когда со своей гвардией перешёл реку по каменному мосту и вступил на территорию Франции. Нам неизвестно, была ли эта встреча последней перед расставанием, но их романтические отношения уже никогда не возобновились.

Нельзя сказать, что княгиня Зинаида перенесла окончание отношений с Александром легко. Современники отнеслись с пониманием и тактом к её роману, сама же княгиня сильно изменилась после этого переживания, подтверждением чему служит её дальнейшая жизнь. В течение нескольких лет, посвящённых путешествиям по Европе после 1814 года, она не только искала развлечений и удовольствий, но и нашла для себя серьёзные занятия. Конец войны застал Волконскую в Париже. Она погрузилась в бесконечные торжества по случаю победы над Наполеоном. Княгиня освежила старые дружеские отношения, завязала новые связи и стала желанной гостьей во многих салонах. Муж её тоже находился в Париже, но отношения супругов были далеко не идеальными. 1 июня 1814 года княгиня отправилась в Лондон, чтобы присоединиться к императорской свите. Во время праздничной встречи «трёх королей» русский император был в прекрасной форме. Александр в Лондоне «...был очарователен — и очаровал англичан»³². Император вёл себя как молодой человек, танцуя и флиртуя с красивыми женщинами, при этом много времени проводил со своей сестрой Екатериной. Волконская видела царя на многочисленных светских раутах, но не встретила в нём прежнего интереса.

В течение Венского конгресса ни одного письма от царя Волконская не получила. Он был захвачен не только политическими делами, но и развлечениями «Танцующего конгресса», как назвал его герцог де Линь. Он писал: «Император России танцует почти непрерывно. Он — как магнит для женщин... всегда в состоянии очередного увлечения»³³. Волконская принимала участие во многих светских событиях, однако дистанция между нею и Александром сохранялась. Она занимала видное положение в другой сфере: посещала театры, оперу и концерты, бывала в интересных салонах, где сама иногда пела, встречалась регулярно с наиболее выдающимися участниками конгресса.

Трудно сказать, что послужило причиной разрыва между императором и княгиней. Имея в своём распоряжении лишь ограниченную информацию, мы можем делать только какие-то предположения. Из писем царя можно заключить, что с Зинаидой не всегда было легко. Хотя её часть диалога остаётся нам неизвестной, можно полагать, что она нуждалась в постоянном подтверждении преданности и уважения. Кроме того, муж Зинаиды был вовсе не таким покладистым, каким был муж М. А. Нарышкиной, многолетней любовницы Александра³⁴. Мы уже видели из многочисленных ссылок на мужа Зинаиды, а также на её деверя князя П. М. Волконского, что их отношение (к роману) могло раздражать царя. Нужно заметить также, что Волконская, в отличие от Нарышкиной, часто просила Александра об одолжениях. Из его писем ясно, что княгиня не только ходатайствовала за мужа, родственников и друзей, но и пыталась влиять на царя в его политических решениях (пп. II, VII, VIII, X, XI, XII, XV)³⁵. Отношение Александра к этому было предсказуемым: невмешательство в государственные дела было условием десятилетней связи с Нарышкиной — «иначе всё будет кончено»³⁶. К концу 1813 года отношения с Волконской могли стать уже обременительными для Александра, тем более что в это время он начинал обретать славу «спасителя Европы».

Итак, каковы бы ни были причины, наступил конец отношениям царя Александра и княгини Зинаиды Волконской³⁷.

* * *

Второй период их отношений представлен двумя письмами: одно написано в Петербурге 12/24 мая 1816 года, а второе — короткая записка — 8/20 октября 1817 года. К тому времени княгиня почти полностью исчезла из жизни Александра. Это были бурные годы, и поведение царя в этот период соответствует оценке Шатобриана: «Император России имеет сильный дух и слабый характер»³⁸. Такая раздвоенность постоянно проявлялась в поведении Александра в это время. В Париже, где его с энтузиазмом приветствовал народ, поведение царя по отношению к новому королю

Луи XVIII, а также к женщинам Наполеоновского клана было безупречным, иногда даже в ущерб российским национальным интересам. Он получил признание как «король сердец парижских салонов». Что касается государственных мужей, собравшихся в Вене, то они предпочли видеть в русском царе поверхностного человека, которого Байрон насмешливо назвал «самодержцем вальсов и войны»³⁹.

Волконская в числе других придворных присутствовала всюду, но её имя больше не связывалось с именем царя: она больше не принадлежала его близкому кругу. В декабре 1814 года, на пике празднеств, сопровождавших Венский конгресс, Зинаида родила сына, умершего вскоре после рождения⁴⁰. Эта потеря, а также опыт войны и её отношений с Александром изменили княгиню. Пережив обиду и потерю иллюзий, она начала по-новому смотреть на жизнь. Годы с 1814-го по 1819-й оказались периодом продолжительного путешествия из одной европейской столицы в другую. Это дало ей гораздо больше, чем просто удовольствие: она была полна желания приобрести новый опыт и новые знания и чрезвычайно продвинулась в своём развитии в эти годы. Этот новый образ жизни Зинаиды и её новый облик послужили причиной порицания в письме царя в мае 1816 года, которое она получила в Париже (п. VIII). Следующее, более короткое письмо в октябре 1817 года было, можно сказать, нейтральным; оно не даёт определённой информации о состоянии их отношений (п. IX).

Письмо VIII.

Единственное письмо, подписанное царём полностью: «Александр». Адрес рукой царя: «Княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне та же дата рукой княгини.

Опубликовано с купюрами.

Вы впадаете в ошибку, княгиня, думая, что я когда-либо мог сердиться на вас за ваш интерес к делу Лабедойера. Если вы и были, может быть, неправы, дойдя до такого утверждения, я никогда не отрицал вашего мотива и очень хорошо узнаю чувствительность вашего ангельского сердца, которой вы отличаетесь. Точно таким же образом, как я говорил с вами об этом у герцогини Курляндской, я должен буду отговорить вас от мысли, что я хотел на вас *ворчать*, как вы выразились в вашем письме.

Фактически, если я на вас и сердился, то, конечно, не за дело Лабедойера, но, признаюсь без притворства и, будучи к вам расположенным, за то, что вы, кажется, подвергаетесь испытанию этим Парижем со всем его ничтожеством и испорченностью. Душа такая возвышенная, такая необыкновенная, как ваша, кажется мне мало подходящей для всех этих фривольностей, которые представляют столь жалкую пищу для неё. Сердечная привязанность, которую я привык выражать вам так долго, заставляет меня сожалеть о времени, которое вы теряете

в этих занятиях, на мой взгляд, столь мало достойных вашего интереса. Вот, княгиня, я прямо изложил вам своё неудовольствие.

Ещё раз, только чувство привязанности к вам позволяет мне об этом говорить, и придёт время, когда вы почувствуете, что, любя вас, я, может быть, не так и виноват, что сожалею о моментах, потерянных для вашего истинного счастья.

Ваши пожелания по поводу багажа будут в точности исполнены, и я уже дал необходимые распоряжения. С истинным удовольствием я буду ожидать момента, который приведёт вас к нам и даст мне возможность повторить в жизни выражения всех чувств, которые я к вам питаю. Примите, в ожидании, моё глубокое почтение.

Александр.

Петербург

12/ 24 Мая. 1816.

Царь написал это письмо Волконской из Петербурга, когда вернулся после трёхлетнего пребывания за границей (1813–1815). В течение времени, прошедшего с момента написания предыдущего (VII) письма, Александр не возобновлял отношений с княгиней. Она жила в Европе, по большей части в Париже, где чувствовала себя совершенно как дома и где установила тесные связи как в обществе, так и в артистических кругах⁴¹.

В этом письме, которое сын княгини опубликовал с купюрами, Александр упоминает о мольбе княгини помочь сохранить жизнь графу Шарлю Лабедойеру (1786–1815). Французский полковник, служивший у Наполеона, прошёл маршем со своим полком до Гренобля, чтобы встретить императора, вернувшегося во Францию после побега с острова Эльба. В течение «Ста дней» — времени вторичного правления императора Наполеона I во Франции (20.III–22.VI.1815) — Лабедойер был произведён в чин генерала. Он последним покинул поле битвы при Ватерлоо. После второго отречения Наполеона Лабедойера судили за измену и приговорили к смертной казни. И он, и его молодая жена принадлежали к французской аристократии, и многие монархисты пытались спасти его жизнь. Обе княгини Волконские апеллировали к царю, прося его спасти Лабедойера. Александр, очевидно, был раздражён как самим инцидентом, так и теми, кто пытался вмешаться: он даже обвинил С. Г. Волконского в подстрекательстве сестёр к действиям, которые царь рассматривал как вмешательство во внутренние дела Франции⁴². Но теперь, по прошествии полугода, царь выказал к этому гораздо более терпимое отношение.

Александр упоминает о разговоре с Волконской в парижской резиденции герцогини Курляндской. Встреча произошла между 21 июля/2 августа 1815 года, когда Лабедойер был арестован, и 15/27 сентября, когда царь уехал из Парижа в Брюссель после подписания соглашения о создании Священного союза. Катерина Вильгельмина Саган, герцогиня

Курляндская (1781–1839), была в первом браке замужем за французским принцем Луи де Роаном, затем за русским князем Василием Трубецким. Её венский салон посещали многие аристократы. У неё был бурный роман с влиятельным политиком князем Меттернихом. Во время Венского конгресса она была занята «политическими развлечениями»; говорили, что в это время она была любовницей русского императора⁴³.

Основная идея этого письма — неодобрение Александром того образа жизни, который вела теперь за границей княгиня Зинаида. Это не касалось социальных контактов княгини, против которых царь ничего не имел, — в круг её общения входили королева Гортензия, графиня де Буань, мадемуазель де Кошеле и виконт Состен де Ларошфуко. Александр выговаривал Волконской за то, что было ей наиболее дорого, то есть за общение с артистами и, особенно, за её собственные выступления на сцене частных театров⁴⁴. Желаемого эффекта это письмо не имело — княгиня продолжала откладывать своё возвращение в Россию. Из Парижа она уехала в Рим, потом вернулась снова в Париж и лишь год спустя, в апреле 1817-го, приехала в Россию.

В издании 1868 года третий и четвёртый абзацы, в которых царь после довольно сурового выговора пишет о своей привязанности к Волконской, а также упоминает её просьбы, — опущены. Сын княгини вырезал также из второго абзаца слова «с его испорченностью» («et sa deprivation») и «я привык» («je suis accoutumé»).

Письмо IX.

Рукой Александра: «Мадам княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне пометка Волконской: «8 Октября 1817».

Не опубликовано.

Пользуюсь первым свободным моментом, княгиня, чтобы подтвердить получение вашей записки. Я, вполне вероятно, приду к вам тотчас, если только мои обязанности этому не воспрепятствуют.

Этим вечером я, кажется, свободен, но боюсь, что не смогу предупредить вас раньше, чтобы вы не приняли каких-либо приглашений, которые бы помешали вам меня принять. Если же вам ничего не помешает, я готов прийти, как только получу ваш ответ. Примите, в ожидании, выражение моего почтения.

А.

[место не обозначено] [Москва]

В понедельник вечером.

8 Октября 1817.

Это короткое письмо, не содержащее никаких указаний на место, откуда оно было послано, написано в Москве. Покинув Петербург 25 августа/

6 сентября, царь прибыл сюда, после поездки в западную часть России, в начале октября. Как известно, он появился в Москве до прибытия царской семьи и двора, которые присоединились к нему 10/22 октября 1817 года⁴⁵.

«Занятия», на которые ссылается Александр, были связаны с празднованием по поводу закладки храма Христа Спасителя, запланированным на 12/24 октября 1817 года. Церковь должна была стать памятником жертвам и окончательной победе русского народа в войне 1812 года. Царь лично наблюдал за созданием проекта этого здания, которое было возведено архитектором К. Л. Витбергом, а также принимал участие в планировании празднеств. По этому случаю весь двор и дипломатические представительства прибыли в Москву. Княгиня Волконская также прибыла в Москву, чтобы принять участие в этом важном событии. Она остановилась в роскошном доме своей мачехи на Тверской, где, как мы видим из письма, ожидала встретить царя. По-видимому, дружелюбное общение между ними после четырёхлетнего перерыва восстановилось.

* * *

Последний период общения Александра с княгиней Волконской открывается письмом от 3 февраля 1821 года из Лайбаха.

Письмо X.

Адрес на конверте рукой царя: «Княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне конверта пометка рукой княгини: «Лайбах 22 Января/3 Февраля 1821» (так записано княгиней Зинаидой. — *Ред.*).

Не опубликовано.

Спешу воспользоваться оказией, представившейся в Рим, княгиня, чтобы выразить вам самую тёплую благодарность за ваше письмо от 20 декабря.

Сомневаться в том, что я не только *«иногда вспоминаю вас»*, но что думаю о вас довольно часто, было бы несправедливостью с вашей стороны. Осмелюсь сказать, что вы имели слишком много свидетельств моей искренней привязанности к вам, чтобы не иметь такого мнения. Так что если это утверждение может добавить хоть что-то к вашему удовлетворению, мне доставляет истинное удовольствие его повторить.

Как вы сказали, мы теперь находимся довольно близко друг от друга, и я мог бы иметь надежду увидеть вас. Если бы это зависело только от меня, конференцию в Лайбахе можно было бы перевести в Рим; но в этом мире так много всего, что невозможно всегда устроить всё, как хотелось бы!

Теперь о мадам Алопеус. Благоволите передать ей от меня поклон. Как больно мне было узнать, что она больна. Совершенно необходимо, чтобы у неё было достаточно времени для преодоления этого кризиса в тёплом климате, и, со своей

стороны, я поспешу облегчить ей эту задачу. С моей точки зрения, проще и удобнее всего было бы послать ей разумную сумму, чтобы покрыть её расходы за два года, таким образом, она могла бы написать своему мужу, что она больше не нуждается в его помощи, потому что обеспечена всем необходимым, с условием, что он позволит ей оставаться в Италии. Мне кажется, что это самый простой способ уладить дело. Всякий другой, который потребовал бы указов, кажется мне чрезвычайным и выходящим из ряда, особенно когда речь идёт о такой красавице, как мадам Алопеус. Будьте добры информировать меня о величине суммы, необходимой ей для жизни в течение двух лет, и я буду рад послать ей эту сумму.

Что касается пенсии для Скванси, это дело устроить гораздо труднее. Существующие законы этому препятствуют, так как, чтобы заслужить её или увеличить уже существующую, необходимо иметь соответствующие заслуги. А в данном случае ссылаться не на что. Плутводство Дядюшки является дополнительным препятствием, тем более что в документах этого процесса есть свидетельство, что он скрыл в Ломбардии, в Италии, у своих родителей, те суммы, которые должен заплатить.

В заключение этих строк позвольте мне повторить ещё раз, что чувство глубокой привязанности, которое я к вам испытываю, никогда не может измениться. Примите мои искренние уверения в этом.

Александр.

Лайбах

3 Февраля/22 Января 1821.

Конгресс в Лайбахе (26 января — 12 мая 1821) был продолжением конгресса в Троппау, оказавшегося неспособным разрешить острые проблемы, которые угрожали европейскому альянсу. Все эти и другие события глубоко тревожили Александра. Никто не понимал новую консервативную позицию царя лучше, чем Меттерних, который ловко использовал это в своих целях. «Если кто-либо изменялся когда-либо от чёрного к белому, то это он», — писал австрийский государственный деятель. Царь «перестал доверять своей армии, министрам, знати и народу. А в таком состоянии человек не может быть правителем»⁴⁶.

Важно заметить, что у царя в это время было приглашение от папы Римского Пия VII, которое он сначала принял, но затем отказался. Папский министр иностранных дел, кардинал Консальви придавал этому визиту большое значение. Предположительно на решение Александра повлияла его мать, императрица Мария Фёдоровна, которая, зная о его мистических тенденциях и симпатии к католической церкви, умоляла его не ехать в Рим⁴⁷.

Упомянутая мадам Алопеус, урождённая баронесса Жаннетта фон Венкстерн (1786–1869), была в первом браке замужем за Давидом Максимовичем Алопеусом, (1769–1831), известным российским дипломатом. Он был послом при дворе шведского короля, затем послом при

вюртембергском дворе и, наконец, послом в Берлине. Его молодая жена, Анна Ивановна, знаменитая красавица, имела много высокопоставленных поклонников — от царя Александра I до его политического противника Николая Тургенева⁴⁸. Ходили слухи, что мадам Алопеус сыграла роль в разрыве Александра с Нарышкиной⁴⁹. Тем не менее она сохранила безупречную репутацию. Так или иначе, царь не был склонен выдать ей официальную пенсию. Как и «дядюшке» Скванси (иногда по-русски произносится как Скасси или Сасси) — итальянцу, женатому на русской. Он жил в Петербурге и служил там много лет, достигнув ранга надворного советника. Его финансовая ситуация была, однако, неустойчивой, и он был замешан в некоторых сомнительных делах, на которые и ссылается Александр. В 1818–1819 годах Скванси с семьей приехал во Флоренцию, где был принят обществом как «обрусевший итальянец». Когда он вернулся в Россию, Волконская хлопотала за него перед царём, чтобы обеспечить ему лучшую пенсию. В 1824 году, во время службы на Кавказе, Скванси был вовлечён в некую финансовую кражу, за что генерал Ермолов назвал его «итальянским шарлатаном». Эта история показала, что царь был прав в своей оценке протезе Зинаиды⁵⁰.

* * *

В течение последующих пяти лет, оказавшихся самыми тяжёлыми в жизни Александра, им было написано пять писем княгине. Всё складывалось неудачно для него. После времени победоносных войн он, «Благословенный», «Агамемнон нашего времени», внезапно ощутил себя побеждённым. Идея Священного Союза, задуманного им, чтобы «защищать религию, мораль и справедливость», со временем вошла в противоречие с объективными историческими процессами в Европе. Конгрессы Священного Союза в Троппау, Лайбахе и Вероне (1820–1822) проходили, по свидетельству Меттерниха, под контролем австрийцев — налицо было падение влияния на европейскую политику российской дипломатии⁵¹.

Дремавшая в нём подозрительность, питаемая изменой и обманом, теперь стала навязчивым состоянием. Восстания в Испании, северной Италии, Неаполе и Греции убедили его в том, что революционный дух присущ не одной только Франции. Потом случился бунт в его любимом Семёновском полку. Неспособный ни принять, ни сокрушить дух либерализма⁵², который он сам поддерживал в молодости, царь позволил Аракчееву активно вмешиваться в государственные дела. Он удалил от себя своих ближайших друзей, среди которых были П. М. Волконский и А. Н. Голицын, заменив их людьми аракечевского типа⁵³. Длительная болезнь самого Александра в 1824 году и внезапная смерть его любимой незаконной дочери Софьи Нарышкиной способствовали росту мистицизма и формированию у него отстранённого, неадекватного сознания в последние два года его жизни.

Последние шесть писем княгине Волконской не имеют ничего общего с сухим, отчуждённым тоном, который очевиден в более раннем письме-выговоре ей (п. VIII). Здесь снова появляются уверения в сердечной дружбе и выражения благодарности за постоянную преданность Зинаиды (пп. X, XI, XII, XV). Теперь он готов помочь Волконской уладить её собственные затруднения и даже ходатайствовать за других (пп. X, XII, XV). Александр начал также жаловаться на груз своих обязанностей, «тяжкое бремя, которое давит на меня, поглощая всё моё время» (п. XV). Преобладающий тон этих последних писем — тон дружбы и сердечной привязанности, «которые никогда не исчезнут». В этом Александр был прав: несмотря на превратности их взаимоотношений, преданность Волконской царю никогда не была поколеблена.

Письмо XI.

Адрес написан рукой Александра: «Княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне пометка княгини: «Бриксен 13/25 Декабря 1822».

Не опубликовано.

Вы послали мне столько бумаг в вашем последнем письме, что я в свою очередь мог бы ответить вам тем же. Здесь есть одно вложение, которое я прошу вас передать мадам Нарышкиной в ответ на её письмо, сказав ей всё, что принято (*mille choses*), с моей стороны.

Что касается ваших бумаг, Мадам, смиритесь со всем, что я о них говорю, поскольку другая оказия не оставит мне ни минуты.

Примите уверения в моей искренней привязанности к вам. Приветы княгине Софье и Алине.

А.

Бриксен 13/25 Декабря 1822.

Точно неизвестно, в чём состояли эти просьбы. Но есть много примеров ходатайства Волконской за друзей и знакомых. Один из них касался отставки её близкого друга, князя П. А. Вяземского, который был обвинён одновременно в неподобающих политических воззрениях и легкомысленном поведении⁵⁴. Другая просьба была связана с тяжбой мачехи Зинаиды, княгини А. Г. Белосельской, касающейся её собственности, Крестовского острова. Известно также, что Волконская просила пересмотреть несправедливое решение, вынесенное повару Силику, крымскому татарину, и вернуть его из сибирской ссылки⁵⁵.

Давний разрыв Александра с его прежней любовницей, М. А. Нарышкиной, был хорошо известным фактом. Поэтому царь не колебался, когда просил Волконскую передать какие-то бумаги Нарышкиной, с которой общался время от времени в связи с устройством состояния их дочери

Софии. В 1818 году Александр сказал, что теперь он может быть только посторонним «этому человеку», после всего, что она для него сделала. Четырьмя годами позже его отношение к Нарышкиной стало таким неприязненным, что он избегал всяких личных контактов с ней⁵⁶.

Раздражение царя видно из его формального обращения «Мадам», которое Александр использовал всегда, когда был раздосадован. То, что Александр был занят и почти не имел времени в своём распоряжении, было правдой. После конгресса в Вероне, который он позже вспоминал как «эти роковые дни в Вероне», царь был глубоко разочарован. Во-первых, на этом конгрессе ведущую роль опять играли австрийцы и англичане, Меттерних и Веллингтон. Во-вторых, в отношении национально-освободительных движений мнения участников не всегда совпадали. С общего согласия членов Священного Союза революции в Италии и Испании были подавлены силой австрийского и французского оружия. Что касается войны греков за независимость от Турции, то Россия была единственной страной, которая последовательно поддерживала Грецию как дипломатическим путём, так и силой оружия. Позже Шатобриан цитировал слова Александра, оправдывающие его политику в целом и его действия в отношении Греции в особенности: «Провидение даёт мне 800 тысяч солдат не для удовлетворения моих собственных амбиций, но чтобы защитить религию, мораль и справедливость»⁵⁷.

Царь становился всё более недоверчивым по отношению к окружающим его людям и всё более неустойчивым в поведении, позволяя себе неучтивость и проявление гнева⁵⁸. В то же время он проводил часы на коленях, в молитве. Мы видим, что это эмоциональное состояние отображается и в коротком письме княгине Волконской из Бриксена (Северная Италия), куда он прибыл из Венеции 11/23 декабря 1822 года. Настоящее письмо написано на другой день после празднования сорок пятого дня рождения Александра. На следующий день, 14/26 декабря, он направился в Баварию, а далее — в Россию, куда прибыл 20 января/1 февраля 1823 года. Так закончилась его последняя поездка в Западную Европу.

Письмо XII.

Адрес написан рукой царя: «Мадам княгине Зинаиде Волконской».

Не опубликовано.

Эти строки я поручаю князю Петру для передачи вам, Мадам. Я должен был ответить вам уже довольно давно, и, если вы воспринимаете моё молчание как вину перед вами, я готов просить о прощении или, скорее, об оправдании. Обстоятельства более виновны, чем я. Ваше первое письмо, где вы говорите о вашем желании, чтобы ваш муж был причислен ко Двору, пришло, когда князя Петра уже не было здесь. Меня оно застало в момент, когда я собирался в дорогу, чтобы

предпринять мою последнюю поездку. У меня не было времени вам ответить. Ваше второе письмо застало меня во время поездки, а третье — в постели, где болезнь продержала меня большую часть зимы. Позже я надеялся, что вы — в дороге, на пути в Россию. Наконец появилась оказия, и я могу написать вам несколько строк, чтобы сказать, что я был очень тронут всем, что было дружественного ко мне в ваших письмах. Поверьте, что я отвечаю вам с искренним чувством, которое никогда не менялось. Наконец, однажды появившиеся у вас опасения, что я имею нечто против вас, — более чем несправедливы, и вы всегда можете рассчитывать на чувства, которые я вам обещал. Момент, когда я смогу вас снова увидеть, я ожидаю с большим нетерпением.

Что касается просьбы относительно вашего мужа, то в том духе, как вы её понимаете, она невыполнима и находится в противоречии с принятым обыкновением. Мы поговорим об этом, впрочем, когда увидимся. В ожидании, позвольте мне сохранить воспоминания и добрые чувства и вновь примите уверения в привязанности, которую я к вам испытываю.

А.

Царское село.

8 Июня 1824.

Царь просил князя П. М. Волконского, мужа Софьи Волконской, передать это письмо Зинаиде, как только она вернётся в Россию. Поскольку точная дата прибытия Зинаиды Волконской в Петербург неизвестна, полагаем, что она, вероятно, вернулась в начале июля 1824 года. Из близких ей петербургских кругов стало известно, что это письмо царя уже ожидало Волконскую здесь⁵⁹.

Обстоятельства, на которые ссылается царь, действительно были серьёзными и занимали всё его время и внимание. К началу 1824 года Александр окончательно подчинился Аракчееву. Под впечатлением «успешного», бескровного опыта создания Аракчеевым военных поселений Александр начал следовать его советам почти слепо. Вскоре это привело к коренной реорганизации правительства. Весной 1824 года князь А. Н. Голицын был вынужден уйти с поста министра народного просвещения и духовных дел, сохранив за собой только пост начальника почтового департамента. Что касается князя П. М. Волконского, то решение царя было даже ещё более неожиданным и произвольным. В результате конфликта с Аракчеевым в 1823 году князь был отстранён от должности начальника Главного штаба и отбыл в заграничный отпуск⁶⁰.

Разрыв с ближайшими друзьями и отставки многих достойных и верных государственных деятелей имели тяжёлые последствия для Александра — он впал в глубокую депрессию. В самом начале 1824 года Александр опасно заболел. Сначала его ударила лошадь, и он получил травму ноги, имевшую мучительные осложнения. Затем, 6 января, он подхватил простуду, которая

быстро развилась в тяжёлую пневмонию. Всё это, в комбинации с депрессией и общей апатией, сделало его состояние весьма серьёзным. Прикованный к постели в течение двух месяцев, он начал поправляться только к середине марта. Княгиня продолжала откладывать своё возвращение в Россию, которую она покинула в сентябре 1819 года. В то время, когда царь написал это письмо и ожидал её скорого прибытия домой, она всё ещё оставалась в Европе.

Охлаждение, о котором Волконская говорит в своём письме, не подлежало сомнению, хотя Александр пытался убедить её в своей неизменной преданности. Постепенное восстановление дружеских отношений началось после 1819 года, когда письма царя стали более тёплыми и более личными.

Князь Никита Григорьевич Волконский, муж Зинаиды, так и не получил определённого назначения после войны. Он лишь выполнял отдельные поручения, некоторые из которых не соответствовали его рангу и положению в обществе. Княгиня знала, что Александр, по разным причинам, недолго любил её мужа, но продолжала просить для него подходящее место. Но царь сдержал своё обещание: спустя полтора года после смерти Александра вдовствующая императрица Елизавета Алексеевна написала своей матери в Баден, что среди тех, кто сопровождал царя в Таганрог, был и князь Никита Волконский, теперь уже «не адъютант, но генерал свиты»⁶¹.

Письмо XIII.

На обратной стороне сложенной страницы надпись: «Княгине Зинаиде Волконской». Письмо запечатано царской печатью. Пометка другой рукой — «без даты».

Не опубликовано.

[ни места, ни даты]

[Москва, между июлем и 16 августа 1824 года]

Не позволите ли мне, Мадам, принести вам мои поздравления и горячую благодарность за вашу вчерашнюю посылку — сегодня в 5 часов после обеда? Примите, в ожидании, уверения в совершенном почтении.

[характерный росчерк Александра I]

Среда утром.

Эта записка, не содержащая указаний на место и дату написания, не даёт никаких ориентиров для точной датировки. Следует согласиться с князем А. Н. Волконским, поместившим её после письма из Бриксена от 13/25 декабря 1822 года (п. XI). Зная, что княгиня Волконская вернулась в Россию в начале июля 1824 года (а царь не выезжал за границу после января 1823 года), можно утверждать, что эта записка была написана в России. Однако письмо Александра от 8 июня 1824 года было его первой

коммуникацией с княгиней после того, как она вернулась в Петербург (п. XII). Это позволяет сузить период датировки, сведя его к интервалу между июлем и ноябрём 1824 года, когда Волконская уехала из Петербурга в Москву. В то же время царь уехал из Петербурга в длительную поездку по центральным и восточным районам России 16 августа и вернулся 24 октября. Это позволяет ещё более сузить интервал написания данного письма до шести недель: четыре недели в июле и две в августе.

Поздравления Александра связаны, скорее всего, с публикацией этнографической работы Волконской «Изображение славян V века» («Tableau slave du V-me siècle»), которая появилась в Париже в 1824 году (вторым изданием). Его благодарность можно связать с получением от неё этой книги⁶².

Письмо XIV.

Надпись на конверте: «Княгине Зинаиде Волконской». На обратной стороне конверта пометка рукой княгини: «Без даты».

Не опубликовано.

[Санкт-Петербург, между июлем и 16 августа 1824 года]

Я у ваших ног, княгиня, получив только что столь любезную записку. Счастье видеть вас слишком велико, чтобы любое другое чувство могло иметь значение, и я умоляю разрешить мне в течение вечера быть у вас. Заранее радуюсь этому. Относительно остального в вашей записке храню молчание, и не потому, что вы меня убедили, это ясно, но чтобы закончить сюжет, которому вы положили начало — ваше более чем благосклонное отношение ко мне.

Фрукты, которые я получил от вас, свидетельствуют о вашей неоценимой доброте, и я принимаю их с самой живой благодарностью. Прошу вас принять уверения в моём совершенном почтении.

[без подписи]

Это недатированное письмо следует за предшествующей запиской (п. XIII). Мы полагаем, что оно написано в Петербурге в тот же период, что и предыдущие два письма (пп. XII, XIII).

Письмо написано в тёплом, даже аффектированном тоне, напоминающем о стиле писем 1813 года. К настоящему времени царь уже был достаточно изолирован от своего окружения и отдалился даже от своих ближайших друзей. Свободный от романтических привязанностей и, по видимому, даже от желания их иметь, он теперь высоко ценил свои отношения с княгиней — в ней он видел верного друга, которому можно полностью доверять. Кроме того, можно предположить, что на царя произвело большое впечатление то, что Волконская за прошедшие десять лет превратилась в исключительно разностороннюю личность.

После длительной болезни зимой 1824 года царь продолжал следовать строгой диете, состоявшей преимущественно из фруктов. Это объясняет, почему Волконская послала ему фрукты.

Письмо XV.

Опубликовано с купюрами.

Нужно иметь неисчерпаемую снисходительность, чтобы продолжать относиться ко мне с такой добротой, в то время как вы имели право считать меня и неблагодарным, и бесчувственным, тогда как я — ни тот ни другой. Бесконечный труд, который ложится на меня и поглощает всё моё время, заставляет меня казаться таковым. Но я должен сказать прежде всего, что удовольствие видеть вас так близко и общаться с вами в течение нескольких часов — ни с чем не сравнимо. Между четырьмя и пятью я появлюсь у вас, чтобы объяснить, насколько я тронут вашим дружеским обращением, несмотря на мои прегрешения. За недостатком времени я не буду братья за перо, чтобы объявить, что мне удалось устроить то, о чём вы меня просили. Это затянулось, потому что было немало трудностей, которые нужно было преодолеть, чтобы это состоялось.

До свидания, и одновременно примите уверения в сердечной и почтительной привязанности, которую я питаю к вам всегда.

А.

Царское село.

2 Апреля 1825.

С каждым годом «непосильное бремя», на которое царь жалуется в этом письме, давило на его плечи всё более тяжко. Новый 1825 год не принёс облегчения от старых и новых сложных проблем, с которыми Александр уже не был способен справиться. Отношения с Турцией требовали решительных действий. В самой России «аракчеевщина» вызывала во всех слоях общества резкое сопротивление. Александр был осведомлён о нарастающем недовольстве в обществе, он также знал о существовании заговора, в который были вовлечены многие офицеры — участники войны с Наполеоном. Однако он ничего не сделал, чтобы парализовать это движение, имевшее целью крупные государственные преобразования⁶³.

Личная жизнь Александра также не удалась. Он никому не доверял и даже начал опасаться за собственную безопасность. Всё это может объяснить, почему Александр начал особенно ценить несколько человек, среди которых была и княгиня Волконская, чья преданность и искренность были неоспоримы.

Письмо было написано на Пасху. Два дня спустя Александр отбыл из Петербурга в свою последнюю поездку в Польшу. Дата написания этого письма является информативной: то, что Александр устроил визит

к княгине во время сборов в дальнейшее путешествие и особенно на праздник, одинаково важный и как государственный, и как семейный, говорит о его отношении к Волконской.

Слова «несмотря на мои прегрешения» («malgré mes torts») были изъяты сыном княгини при публикации в 1865 году. Какую именно просьбу княгини удалось выполнить царю, остаётся догадываться. Это могло касаться Никиты Григорьевича, но документов, подтверждающих это предположение, у нас нет.

После отъезда княгини Волконской в Москву осенью 1824 года она впервые появилась в столице. Как всегда, она остановилась во дворце Белосельских на Невском проспекте. Именно здесь состоялась последняя встреча княгини с царём Александром 2 апреля 1825 года. Нежный тон письма отражает новую стадию их старой дружбы. После глубокой влюблённости и тесной связи раннего этапа их отношений царь установил теперь спокойный, доверительный, дружеский тон. Он принимал свою часть вины за их разрыв и равнодушие в последующие годы.

Это письмо подводит итог корреспонденции между княгиней Волконской и императором Александром I. Спустя семь месяцев он неожиданно умер в Таганроге. Княгиня оплакала его смерть в своём первом русском стихотворении «Александр I» и написала большую статью о его последних днях⁶⁴.

Где Царь, где сын, супруг?
 Несчастных щит и друг,
 Могучий Князь — и Христианин,
 Герой в порфире — Россиянин —
 Где ты? О, рыцарь наших лет!
 Явись! — твой вид нас оживляет;
 Краса души в тебе сияет..
 А честь твоя, как свет,
 На доблестном челе блистает.
 Глядишь — душа в твоих очах,
 Речешь — душа в твоих словах.
 Брат ратникам и вождь любимый,
 Смиренный, непоколебимый,
 Посредник праведный, на Троне человек
 Гряди в Москву!.. Её ты столп и сила.
 Она Европе возгласила,
 Что век твой — Россам славы век!
 Где ты, отечества сын милый?
 Где ты?.. Но с Юга звук унылый
 До нас дошёл... Уж нет его!

Несёт народ монарха своего,
 Несёт... Куда? — В гробницу.
 О Боже!.. Но устав Закона Твоего
 Велит хвалить разящую десницу.
 Он там, где времени конец;
 Где злобе бурь мирских предвечная препона.
 На что ему здесь брэнная корона?
 Бессмертному бессмертный и венец!

Итак, переписка и отношения между Александром I и княгиней Зинаидой Волконской начались в период наивысших достижений царя и закончились на закате его царствования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Волконский А. Н.* Шесть писем императора Александра I к княгине З. А. Волконской // Сборник русского исторического вестника. 1868. Т. III. С. 310–314.

² *П. Б. (Артенев).* О княгине З. А. Волконской // Русский Архив. 1867. Кн. III. № 10. С. 310. Записка аббата Николая о воспитании молодого князя А. Н. Волконского // Русский Архив. 1895. Кн. I, № 4. С. 495; Альбом Иванчина-Писарева // Старина и Новизна. 1905. Т. X. С. 505; *Мордовцев Д.* Русские женщины нового времени. СПб., 1874. С. 261; Архив декабриста С. Г. Волконского / Ред. С. М. Волконский. Петроград: Голике, 1918. Т. I. С. XL.

³ *Великий Князь Николай Михайлович.* Император Александр I. СПб.: Эксп. Гос. Бумаг, 1912. Т. I, п. в.

⁴ *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Т. II. С. 36; *Белосельская Н. А.* Княгиня З. А. Волконская // Исторический вестник. 1897. Т. LXVII. С. 942; *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни. М.; Л.: Академия, 1933. С. 514.

⁵ *Коленкур А., де.* Новости, о которых говорят в Санкт-Петербурге // *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Дипломатические отношения России и Франции 1808–1812. СПб., 1908. Т. VI. С. 37, 67, 82, 110–113, 124–127, 184; *Эдлинг Р. С.* Из записок // Русский Архив. 1887. Кн. I, № 1. С. 212–213; *Rzewuska R.* Mémoires. Rome: Cuggiani, 1939. Vol. I. P. 247–248; Vol. II. P. 96–97; *Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Круг, 1928. С. 39.

⁶ *Соловьёв Н. В.* История одной жизни. Петроград: Сириус, 1915. Т. I. С. 140; *Rzewuska R.* Mémoires... Vol. I. P. 258–267.

⁷ А. Чарторыйский и Королева Гортензия цитируются у В. И. Тимирязева: *Тимирязев В. И.* Иностранцы в России // Исторический вестник. 1908. № 62. С. 1053; *Nostitz Karl, von.* «Diary» in Frederick Freksa, ed. A Peace Congress of Intrigue. New York: The Century, 1919. P. 114; *Gentz F.* Journal. Leipzig, 1861. P. 185; *Thürheim L.* Mein Leben. Erinnerungen aus österreichs Grosser Welt. Munich: Georg Müller, 1913. Vol. II. P. 92–95.

⁸ Камер-Фурьерский Журнал. 1811. Кн. VII–XII. СПб., 1910. С. 360, 439.

⁹ Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской / Ред. М. П. Свистунов // Вестник Европы. 1874. Ч. VIII. С. 596. Письмо Мадам де Сталь

З. Волконской в августе 1812 года. Отдел рукописей библиотеки Хоттон, Гарвардский Университет. URL: <http://id.lib.harvard.edu/aleph/000602235/catalog>

¹⁰ Цит. по: *Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. СПб., 1850. Т. VII. С. 276, 322.

¹¹ *Caulaincourt A., de.* Mémoires. Paris: Plon, 1933. Vol. II. P. 221.

¹² *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. I. С. 187–188. А. С. Шишков сделал предположение, что третьей дамой была госпожа Солдан, и добавил примечание: «Если не ошибаюсь, эта госпожа Солдан приходилась внучкой фельдмаршалу Кутузову, дочь которого, Анна Михайловна, была замужем за генерал-майором Николаем Захаровичем Хитрово». Эта оговорка, «если не ошибаюсь», очень уместна, т. к. указанная внучка Кутузова родилась после 1806 г. Приходится признать, что третья дама остаётся неизвестной.

¹³ *Голенщев-Кутузов М. И.* Письмо Е. М. Тизенгаузен // Старина и Новизна. 1874. Т. X. С. 377.

¹⁴ *Erinnerungen aus dem Leben des General Feldmarshals Herman von Boyer* / Ed. F. Rippold. Leipzig: 1890. Vol. III. P.16.

¹⁵ *Шишков А. С.* Записки... С. 188.

⁶ *Дурылин С.* Русские писатели у Гёте в Веймаре. Литературное Наследство. М., 1932. Т. IV–VI. С. 477; Отдел рукописей библиотеки Хоттон. Архив Гёте и Шиллера в Веймаре.

⁷ *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Император... Т. I. С. 144–145.

¹⁸ *Recollections of Caulaincourt, duc of Vicenza.* London: 1838. Vol. I. P. 168–169; *Mémoires du General Benningsen* / Ed. E. Cazalas. Paris: H. Charles-Lavauzelle, 1907. Vol. III. P. 222–227.

⁹ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. III. С. 154; *Богданович М. И.* История царствования императора Александра Первого и России его времени. СПб., 1869. Т. IV. С. 115–116.

²⁰ Письмо от 28 мая 1813 года, см.: *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Переписка императора Александра I с его сестрой Великой Княжной Екатериной Павловной. 1910. С. 153.

²¹ Архив декабриста... / Ред. С. М. Волконский. Т. I. р. х.

²² Александр отбыл в Опочно (Чехия), чтобы встретиться со своей сестрой, Вел. Кн. Екатериной Павловной 4/16 июня, как зафиксировано: *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С. 154; *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Переписка императора... С. 154–155.

²³ *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С. 513–514.

²⁴ *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Переписка императора... С. 151.

²⁵ *Волконский А. Н.* Шесть писем... Т. III. С. 312.

²⁶ *Богданович М. И.* История царствования... Т. IV. С. 190–202. *Caulaincourt* (1838). Vol. I. P. 205–220; *Jouneville C.* Life and Times of Alexander I. London, 1875. Vol. II. P. 303; *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С. 165–166.

²⁷ *Шишков А. С.* Краткие записки. СПб., 1831. С. 161–162.

²⁸ *Вел. Кн. Николай Михайлович.* Император... Т. I. С. 152.

²⁹ *Jouneville C.* Life and Times of Alexander I. London, 1875. Vol. I. P. 314.

³⁰ *Шильдер Н. К.* Император... Т. III. С.180–182; *Богданович М. И.* История царствования... Т. IV. С. 346–353.

³¹ Волконская З. А. Куплеты, адресованные Спаде. Из материалов Строгановской академии // М. Азадовский. Литературное Наследство. М.; Л., 1939. Т. 33–34. С. 209–210; Шидловский А. Ф. Письма А. Ф. Спада к В. Г. Теплякову // Русская Старина. 1896. Т. 85. С. 670–677.

³² Княгиня Доротея Ливен. Письмо брату Александру Бенкендорфу. 16/28 сентября 1813 г. // Letters of Dorothea Princess Lieven / Ed. L. G. Robinson. London: Longmans, 1902. P. 5.

³³ Gentz F., von. Journal. Leipzig: 1861. P. 185; M.-H. Weil. Les dessous du Congrès de Vienne. Paris: Payot 1971. Vol. I. P. 201, 206, 229, 372, 399.

³⁴ La Garde-Chambonas A., de. Souvenirs du Congrès de Vienne. Paris: H. Vivien, 1901. P. 91; Тимирязев В. И. Иностранцы... С. 112.

³⁵ Воспоминания братьев Бестужевых / Ред. П. Е. Щёголев. Петроград: Огни, 1917. С. 217; Тургенев А. И. Письмо А. Я. Булгакову. 20 апреля 1817 г. // Письма А. И. Тургенева Булгаковым. Москва: Соцэкгиз, 1939. С. 157; Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 154; Вяземский П. А. Звенья. Письма к жене. 2 февраля 1832 г. М.: ГИЗ, 1951. Т. IX. С. 277; Волконский С. Г. Записки. СПб.: Синодальная Типография, 1902. С. 379.

³⁶ John Quincy Adams. Memoirs. Philadelphia: 1874. P. 94; Caulaincourt A., de. (1908). Vol. VI. P. 15; La Garde-Chambonas A., de. (1901). P. 91–92.

³⁷ Вел. Кн. Николай Михайлович. Переписка императора... С. 159–160, 183, 186–187.

³⁸ Chateaubriand F. R. Congrès de Verone. Paris: 1838. Vol. I. P. 114.

³⁹ Journal de Y. G. Eynard / Ed. E. Chapuisat. Paris: Plon, 1914. P. XVIII, XIX; La Garde-Chambonas A., de. (1901). Vol. I. P. 200, 412–418; Vol. II. P. 77; Эдлинг Р. С. Из записок // Русский Архив. 1887. Кн. I, № 3. С. 412; Gentz F. V. Journal. Leipzig: 1861. P. 185–190; Fournier A. Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Vienna: F. Tempinsky, 1913. P. 154; Rzewuska R. 1939. Vol. I. P. 248–258; Weil M. H. Les dessous du Congrès de Vienne. Paris: Payot, 1917. Vol. I. P. 193, 210, 205, 318, 443, 446, 558.

⁴⁰ Волконская С. Г. Письмо мадемуазель де Кошеле. Лондон. 11/23 июня 1814 г.; Mlle de Cochelet. Mémoires. Bruxelles: 1837. Vol. II. P.16; Vol. III. P. 41–43.

⁴¹ Le Portfeuille de la Comtesse D'Albany. Paris: 1902. P. 609; Extracts of the Journals and Correspondence of Miss Berry / Ed. Theresa Lewis. London: 1865. Vol. III. P. 344–345; Mémoires de Mlle de Cochelet (1836–1838). Vol. I. P. 384–386; Vol. II. P. 15–16, 216–219; Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902. Т. I. С. 337–340.

⁴² Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902. Т. I. С. 379; Вяземский П. А. Звенья. 1951. Т. IX. С. 277; Mlle de Cochelet. Vol. II. P. 163–164.

⁴³ Weil M. H. (1917). P. 205; Giachetti Graziano. Der Wiener Kongress. Bern: Hallwag, 1945. P. 66.

⁴⁴ См. ссылку 42.

⁴⁵ Шильдер Н. К. Император... Т. IV. С. 71–74.

⁴⁶ Меттерних К. Частное письмо, цит. по: M. Paléologie. Alexandre I er. Paris: Plon, 1937. P. 277–278.

⁴⁷ Вел. Кн. Николай Михайлович. Император... Т. I, ч. 2. С. 291, 294, 470; Т. II, аппендикс. С. 210–214. Conte della Scarena, Reminiscences in La Civilita Cattolica. 1878. Vol. XII. P. 633.

⁴⁸ *Тургенев Николай*. Дневники. Архив братьев Тургеневых, 1811–1816 гг. СПб., 1913. Т. III. С. 301.

⁴⁹ *Caulaincourt A., de*. Nouvelles et on dit. 1908. Vol. VI. P. 110.

⁵⁰ *Архив князя Воронцова*. М., 1890. Т. XXXVI. С. 240. Там же. Т. XXIX. С. 8, 10, 11; *Polovtsoff*. Correspondance diplomatique. St. Peterburg: Societé Imp., 1907. P. 379.

⁵¹ *Metternich K.* Mémoires. Paris, 1881. Vol. III. P. 500.

⁵² *Нессельроде М. Д.* графу Н. Д. Гурьеву. 2 февраля 1824 г.; *Шильдер Н. К.* Император... Т. IV. С. 560–562; *Вел. Кн. Николай Михайлович*. Император... Т. I, ч. 2. С. 304–307.

⁵³ Письма К. Я. Булгакова к его брату // Русский Архив. 1903. Кн. II, № 5. С. 63; *Schnitzer H.* Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicholas. Paris, 1847. Vol. II. P. 22–26; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. VII. С. 451–452; *Вел. Кн. Николай Михайлович*. Император... Т. I, ч. 2. С. 296–309, 316–320.

⁵⁴ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. II. С. 85–111; Т. IX. С. 107.

⁵⁵ Записки Бестужева // Русский Архив. 1881. Т. XXXII. С. 598; Письма А. И. Тургенева Булгаковым / Ред. И. К. Луппол. Москва: Соцэжгиз, 1939. С. 157. Архив Государственного Совета. СПб., 1875. Т. IV–1. С. 473–476; 1876. Т. IV–2. С. 558–578.

⁵⁶ Рассказы князя А. Н. Голицына. Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский Архив. 1886. Кн. I, II. С. 100–101.

⁵⁷ Беседа с Шатобрианом, цит. по: *Шильдер Н. К.* Император... Т. IV. С. 259.

⁵⁸ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. VII. С. 451–452.

⁵⁹ Письма А. Я. Булгакова к брату // Русский Архив. 1901. Кн. II, № 5. С. 52.

⁶⁰ *Волконский П. М.* Письма к И. В. Васильчикову // Русский Архив. 1875. Кн. II, № 5. С. 49, 70–83; *Вел. Кн. Николай Михайлович*. Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: биографические очерки. СПб., 1902. Т. 1, ч. 2. С. 304–307, 318–319, 330; *Шильдер Н. К.* Император... Т. IV. С. 560–561.

⁶¹ *Вел. Кн. Николай Михайлович*. Императрица Елизавета Алексеевна. СПб., 1909. Т. III. С. 504.

⁶² Этнографическая работа «Изображение славян V века» («Tableau slave du V-me siècle») издана в Париже дважды: первый раз в 1820, второй — в 1824 году. Перевод появился в Дамском журнале в 1822 году. Он был выполнен Шаликовым и вызвал полемику.

⁶³ *Шильдер Н. К.* Император... Т. IV. С. 184–187; *Metternich K.* Mémoires (1881) Vol. III. P. 373–374, 377; *Вел. Кн. Николай Михайлович*. Император Александр I: опыт исторического исследования. СПб., 1914. Т. II. С. 254–267. Восстание декабристов. Материалы в 12 т. М.; Л., 1925–1969. Т. II. С. 67, 69.

⁶⁴ Волконская З. А. Александру Первому // Дамский Журнал. 1826. С. 74–75. Последние дни жизни Александра I. Рассказы очевидцев, записанные княгиней З. А. Волконской // Русская Старина. 1878. Т. XXI, кн. 1. С. 139–150.

*Перевод с английского и французского
Баяры Арутюновой-Манусевич и Аллы Мынбаевой*